

1 тур
Аналитическое задание
9 класс

Ученикам 9 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**.

Время выполнения – **не более трёх астрономических часов**. **Максимальный общий балл за задание – 25 баллов**.

Прочитайте стихотворение **Булата Шалвовича Окуджавы «Молитва Франсуа Вийона»**. Каким видит поэт мир вокруг себя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

Б.Ш. Окуджава

Молитва Франсуа Вийона

Пока Земля ещё вертится, пока ещё ярок свет,
 Господи, дай же Ты каждому, чего у него нет:
 Мудрому дай голову, трусливому дай коня,
 Дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Пока Земля ещё вертится, Господи, – Твоя власть! –
 Дай рвущемуся к власти навластствовать всласть,
 Дай передышку щедрому хоть до исхода дня.
 Каину дай раскаянье... И не забудь про меня.

Я знаю: Ты всё умеешь, Я верую в мудрость Твою,
 Как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
 Как верит каждое ухо тихим речам Твоим,
 Как веруем и мы сами, не ведая, что творим!

Господи, мой Боже, зеленоглазый мой,
 Пока Земля ещё вертится, и это ей странно самой,
 Пока ей ещё хватает времени и огня,
 Дай же Ты всем понемногу... И не забудь про меня.

1963

Вопросы.

В чём особенности композиции (построения) стихотворения?

Какие культурные ассоциации рождаются в душе? Что переживает лирический герой?

Какие словесные изобразительные и выразительные детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.

Обратите внимание на систему повторов в поэтической речи. Какой эффект они создают, чему служат?

Прочитайте произведение **Ивана Сергеевича Шмелёва «Рубеж»**. Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого очерка Шмелёва.

И.С. Шмелёв

Рубеж

В начале осени 36 года мне довелось посетить древний русский край, отрезок Псковщины, и ныне русский до глубочайших корней, но включённый игрой судьбы в пределы эстонские: побережье Чудского и Псковского озёр. Городище, Изборск, Печоры... Много я вынес из этого посещения: и радостного, и горького. Видел Россию-Русь. Она была тут, кругом, – в просёлках, буераках, деревеньках, в песнях, в голых полях, в древних стенах Изборска, в часовенках столбушках у перекрёстка дорог, в глазах любопытной детворы... – о, эти глаза узнаешь из тысяч глаз! – в благовесте, в берёзах, в

зорях. Помню, первое ощущение, что я здесь, что это земля – родная, испытал я наощупь, ещё ничего не видя. Поезд пришёл в Печоры. Было поздно, глубокий вечер. Я сошёл с вокзального приступка и споткнулся: площадь у станции замощена булыжником, и я разучился ходить по нём. Этот толчок земли так всё и осветил во мне, и я сразу узнал осенний воздух родного захолустья, – вспомнил. И стало родное открываться – в лае собаки из темноты, в постуке – где-то там – телеги, в окрике со двора бабьим визгливым голосом – «да черти, штоль, тебя окаянного, унесли... Мишка-а!», в дребезге подкатившего извозчика. И стало так покойно, укладливо, уютно на душе, и во всём существе моём, будто всё кончилось, и теперь будет настоящее.

Трудно всё это выразить словами, и не об этом хочу сказать. Из поездки в Псковщину самым острым во мне осталось – странное чувство рубежа, впервые испытанное мною.

Туманное утро, холодновато, зябко. Автомобиль выбирается из просёлочных буераков на шоссе. Шоссе старинное – тракт: Санкт-Петербург – Псков – Рига, ровное, как стрела. Машина идёт странно, всё вертится, справа налево, и опять направо, и опять налево. Что такое? «Фортификация», – говорит парень, за шофёра. Что?! – «Чтобы задержать наступление врага!» – мотает он головой ко Пскову. – «Он и задержится, дорога-то перерыта канавками, то с этой стороны, то, сажень пять, с другой... задержится... а его они будут из пулемётов поливать... последнее слово военной фортификации...» Говорит без усмешки, кажется. И открывается, наконец: «а покуда, мокрая погода, килек напустят в канавки, всё-таки доходишка». А я думаю: «Вон что... сознание превосходства в парне». И вспоминаю вчерашний разговор с дедом на завалинке двухсотлетнего дома, срубленного из корабельного леса, времён Петра: «Он мне ласково говорит... ихний... празиден, называют его так... ты, старик, не бойся меня... А я ему говорю: «а чего мне тебя бояться? я самого царя не боялся, хлеб-соль подносил... а тебя я буду бояться! в пинжаке – бояться! А ты скажи чинам твоим, зачем не велят робятам по-нашему петь в трактире? чего они наших песнев бояться? ты им накажи, стро-го... Как сами пьяны напьются, наши песни кричат бестолку, а нашим сапожникам в трактире не велят играть, а? Пусть наших песнев не бояться». В полуверсте от рубежа – караульный дом. Не совсем охотно даётся разрешение на посещение «границы». Строгое предписание: не говорить с красными пограничниками, «не раздражать». Рубеж. Кустики, болотца – по ту сторону; с этой стороны – те же кустики, и у самой проволоки сторожевая вышка. Там часовой, в зелёном. Русского языка не понимает, по-немецки может. Я не верю: здесь не раз за день проходят советские, попарно, переговариваются: часовой должен понимать по-русски, вслушиваться, о чём разговор. Входим на вышку. Неожиданно говорю: «дайте мне взглянуть в ваш...». Часовой снимает с шеи полевой бинокль, даёт. Отлично понимает.

Пустое поле, за грядкой кустиков, в стороне какие-то постройки, – там, говорят, комендатура, Гепеу. Были деревушки – снесли. Пустыня. Мёртвая страна, но где-то тут... таится что-то, – такое во мне чувство. И оно вот-вот скажется, и я узнаю тайну. Меня влечёт – т у д а. Я не могу стоять на вышке. Я хочу ступить, коснуться родной земли. Вот проволока, в пять рядов, на кольях, – все обычно. Пограничный столб, красное с зелёным, на утолщении выжжены серп и молот. Я подхожу вплотную, не слушая окриков эстонца, который может стрелять. Пусть стреляет. Там – только кустики, пустая беловатая дорога-стрела на Псков. Серо, пустынно там. И вдруг – луч солнца, из щелки в тучах, и вижу... – снежное яичко! – там, на конце стрелы. Оно блистает, как серебро. Оно влечёт к себе, сияньем. Это собор, открылся. Блеснул оконцем, белизной стен, жестью. И – погас. Странное чувство – ненастоящего, какой-то шутки, которая вот кончится. Так я воспринимаю это заграждение, «Предел пути». «Отойдите!» – кричит эстонец, по-немецки, – по-русски, всё-таки не хочет! – «Могут убить!».

Я не уйду. Это же шутка – и преграда, и пустота, и «убить». Там – всё моё, века моё, всегда моё. И оно, не моё, меня зовёт.

«Смотрите... идёт... вон, из кустов...» – шепчет мне спутник и кричит: – «Здравствуйте!» Я вижу солдата, в зелёной куртке, крепкого, статного, с медным загаром, с винтовкой за плечом. Он молча глядит на нас, выходит на дорогу. Бывало, отвечали бранью. Бывало, отзывались свысока: «Ну, как вы там, на вашем хуторе, живёте?» Все, что вне их, – лишь хутор, мелочишка, так. Я пытливо жду, что будет. Солдат оглядывается на Псков, вынимает из кармана куртки... чистый, белый, платок, и трижды машет нам. Что это привет? Да, несомненно. Круто повертывается и чётким солдатским шагом уходит туда, на Псков. Должно быть, смена караула, полдень.

Мы смотрим, долго смотрим. Он всё уходит, всё мутнеет, этот солдат зелёный. Идёт на Псков, к собору, укрывшемуся в мутной дали. Сквозь сеточку дождя ли, слёз ли... – белеется дорога, как стрела, кусты, болотца, рябина в гроздях, дымок... тяжёлые вороны или грачи полетывают над полями... – всё мое, родное. Откуда же рубеж, что за рубеж? Там Псков, соборы, давнее моё, святое... И здесь, за мной, со мной, мой, давний, крепость-монастырь. Изборск, Печоры, дед, детские глаза, родные песни, булыжники... – всё кругом дышит знакомым, родным, моим. Мой воздух, древние мои поля, родимые. Рубеж... – сон, наваждение, шутка? И горечь, горечь.

Апрель, 1940. Париж.